

Секция «Современные исследования популярной культуры»
Злодейства гениев: инструментальный разум и мотив двойничества в первом сезоне сериала Sherlock

Артём Фейгельман Маркович

Аспирант

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

E-mail: artf1986@gmail.com

Шерлок - сериал с кинематографическим размахом. С блокбастерами его роднит и полтора часовая хронометраж каждой серии, и замысловатая, обладающая самостоятельным значением режиссура. Другие козыри сериала - динамичный и претендующий на оригинальность сюжет и, разумеется, целая галерея запоминающихся персонажей. Увы, первый частенько «проворачивает», а вторая изобилует образами, характерными скорее для третьеразрядных комиксов, нежели для продукции BBC.

Последнее, впрочем, вряд ли касается главного героя - Шерлока Холмса в исполнении Бенедикта Камбербэтча. Редкий критик удерживается от того, чтобы не отметить необычную по условным голливудским меркам фактуру актёра, столь подходящую для его роли. Шерлок Камбербэтча - персонаж нарочито противоречивый. В его характере сверхъестественный ум и утончённость соседствуют с цинизмом и эмоциональной глухотой. Недоброжелатели называют Шерлока «фриком» и сумасшедшим, маньяком, помешанным на криминале. Для окружающих Шерлок - вещь в себе, Другой, его можно превозносить или ненавидеть, но ты никогда не знаешь, что творится в его голове.

Авторы сериала заботливо поддерживают ауру инаковости и патологии вокруг Шерлока. Чего стоят хотя бы части человеческих тел, которые тот хранит в холодильнике с криминологическими целями. Некротические мотивы также усиливает частое присутствие Шерлока в морге и его едва ли не симбиотические отношения с различными приборами и гаджетами. Кроме того, его комнату украшают два черепа: один настоящий, другой - изображённый на картине. Настораживает зрителя и асексуальность Шерлока («я женат на работе»), хотя эта черта может трактоваться и вполне положительно - как аскеза гения и сверхпрофессионала.

Как уже говорилось, особую роль в образе Шерлока играют различные устройства - лупа, микроскоп, мобильный телефон, ноутбук и т.д. Едва ли не каждое его действие опосредовано тем или иным гаджетом или прибором. Наиболее зримо, почти гротескно эта тенденция воплощается в сцене из «Скандала в Белгравии», где сыщик осматривает место преступления при помощи ноутбука и «Скайпа». И даже когда Холмс во время очередного сеанса дедукции использует лишь собственное зрение, за кадром раздаются звуки, характерные для работающей камеры. У Конан Дойла сыщик сравнивает свою голову с чердаком, который не следует заполнять бесполезным для работы хламом. Герой Камбербэтча уподобляет свой мозг жёсткому диску компьютера.

Настойчиво педалируемая авторами холодность, «машинность» Шерлока - следствие сугубо прагматической, инструментальной направленности его разума. Такой разум отсекает всё, что не годится для практической деятельности, а на людей смотрит лишь как на объекты манипулирования и средства для достижения цели. Поэтому Холмс глух к человеческим чувствам, не брезгает использовать ближнего своего (например, влюблённую в него патологоанатома Молли), ради результата легко готов пренебречь моральными нормами (вспомним хотя бы пытку, которой он подвергает таксиста-убийцу).

В своём пределе инструментальность - путь к безумию и неконтролируемому насилию. Это подтверждает судьба уже упоминавшегося таксиста и типичного злого учёного из «Собак Баскервиля». И тот, и другой - тёмные двойники Шерлока, в образе которых инаковые черты сыщика доведены до крайности.

Феномен двойничества характерен и для взаимоотношений Холмса и Ирен Адлер. Их сходство очевидно: обладая неординарными способностями, оба привыкли побеждать, иначе говоря, доминировать. Высокомерие и власть Холмса над людьми и обстоятельствами воплощается в садомазохистских играх Адлер. Даже её первое появление на экране рифмуется с одним из первых эпизодов с участием Шерлока: только если Адлер готовится «наказать» «непослушную» принцессу, то Холмс хлещет труп в помещении морга, - разумеется, с благородной криминалистической целью.

Разум/безумие, власть и насилие - вот триада, вокруг которого строятся центральные образы в сериале. Не исключение и злодей-консультант (по аналогии с сыщиком-консультантом), Джим Мориарти, главный противник и двойник Шерлока. В его образе присущая Холмсу инструментальная тенденция достигает своего апогея. Мориарти гений манипуляции. Он делает из одинокого и смертельно больного таксиста серийного убийцу, обвязывает детей и пенсионеров взрывчаткой, изопрённо глумится над британской государственностью и правоохранительной системой - и всё ради победы над Шерлоком.

Однако между Холмсом и Мориарти есть существенное различие. Видимо, по мысли авторов, его должна зафиксировать кульминационная сцена на крыше госпиталя Св. Варфоломея. В ней легко игравший чужими жизнями Мориарти убивает самого себя. Воля к власти (победе, доминированию) оборачивается, таким образом, стремлением к самоуничтожению.

Шерлок же, несмотря на все козни Мориарти, остаётся жив. Но и ему приходится принести жертву. Ради друзей он симулирует самоубийство, поставив крест на своей репутации гениального сыщика («и к злодеям причтён»). Таким образом он как бы доказывает зрителям, что люди для него - объекты любви и привязанности, а не манипуляции. А панегирик Ватсона над могилой друга - «самого человеческого человека» - должен закрепить это впечатление.

Однако такое примирение противоречий в характере Холмса выглядит ложным. По сути, различие между ним и Мориарти лишь в том, что последний использует «очень плохие» средства для «очень плохих» целей. Шерлок же использует «плохие» средства для условно «добрых» целей - поимки опасных преступников. Иными словами, он подчиняет свои инструментальные наклонности благородному делу (сравните с Декстером из одноимённого сериала). Вопрос в том, где та грань, за которой «просто плохие» средства становятся «очень плохими» и начинают мостить ту самую дорогу в ад, о которой говорит пословица. Создатели сериала не отвечают на этот вопрос.

Зато отвечают на другой, не менее хрестоматийный: гений и злодейство не только совместимы, но и взаимодополняют и даже взаимопорождают друг друга. Вывод, который льстит слабой человеческой природе, но вряд ли хорошо говорит о его авторах.